

Verbal Aggression in Statements Made by the Authorities (based on materials from the “Word of the Year” contests)

Alla V. Kornienko

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia. Email: [av.kornienko\[at\]mail.ru](mailto:av.kornienko[at]mail.ru)

Received: 20 February 2022 | Revised: 13 June 2022 | Accepted: 21 June 2022

Abstract

This paper sets out the results of a sociolinguistic study of statements made by representatives of the modern Russian political elite, based on materials drawn from Russia’s annual “Word of the Year” competition. The acuteness of the problem of a lack of direct bilateral dialogue between government and society advances the academic task of analyzing the discourse of power and defining its key characteristics, so as to assess the readiness of leading politicians to either establish such a public dialogue, or completely abandon it. The research focused on the phenomenon of verbal aggression and its quest in the statements made by those in power as the paramount verbal attitude, testifying against any orientation towards constructive communication with all parts of society. Semantic analysis of lexical units which have won the “Word of the Year” competition in recent years (words, expressions, phrases extracted from the discourse of power) found indicators of verbal aggression. The statements of the authorities are characterized by the WE/THEY opposition, contraposing Russia to the West, military vocabulary, the contraposition of OURS/THEIRS, pointing to the search for internal “enemies”, substantive and evaluative opposition to the power of the people, sometimes in the form of morally offensive expressions. The results of the analysis indicate the rejection by the authorities of the principle of dialogue and the verbal aggression that arises from this rejection, leading to an increase in social tension in a society divided through the efforts of the political elite into evaluatively polarised “Ours” and “the Others”.

Keywords

Government-Society Dialogue; the Language of Power; “Word of the Year” Competition; Verbal Aggression; The Us/Them Contraposition; the Lexicon of War; Xenophobia; the Search for Internal “Enemies”; Taboo Pronouncements; One-Sided Communication

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Речевая агрессия в высказываниях власти (на материалах конкурсов «Слово года»)

Корниенко Алла Владимировна

Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Санкт-Петербург, Россия.
Email: av.kornienko[at]mail.ru

Рукопись получена: 20 февраля 2022 | Пересмотрена: 13 июня 2022 | Принята: 21 июня 2022

Аннотация

В статье отражены результаты социолингвистического исследования высказываний представителей современной российской политической элиты, развернутого на базе материалов ежегодно проводимого в России конкурса «Слово года». Актуальность проблемы отсутствия в наши дни прямого двустороннего диалога власти и общества, всех его сегментов, выдвигает научную задачу анализа дискурса власти, определения его ключевых характеристик с целью оценить готовность ведущих политиков к налаживанию такого общественного диалога или, напротив, к полному отказу от него. Исследование, подчиненное этой задаче, фокусировалось на феномене речевой агрессии и ее поиске в высказываниях власти как на важнейшей речевой установке, свидетельствующей не в пользу ориентации на кооперативную коммуникацию со всеми сегментами общества. Семантический анализ лексических единиц, ставших призами конкурса «Слово года» последних лет – слов, выражений, фраз, извлеченных из дискурса власти, – обнаружил в них индикаторы речевой агрессии. Высказывания власти маркированы оппозицией МЫ / ОНИ, противопоставляющей Россию Западу; военной лексикой; оппозицией СВОИ / ЧУЖИЕ, свидетельствующей о поиске внутренних «врагов»; содержательными и оценочными противопоставлениями власти народу, порой принимающими характер оскорбительных, табуированных, с позиций морали, выражений. Результаты анализа говорят об отвержении властью принципа диалога и исходящей от нее речевой агрессии, обуславливающей рост социальной напряженности в обществе, разделенном усилиями политической элиты на своих и чужих, поляризованных оценочно.

Ключевые слова

диалог власти с обществом; язык власти; конкурс «Слово года»; речевая агрессия; МЫ / ОНИ-противостояния; лексика войны; ксенофобия; поиск внутренних «врагов»; табуированные высказывания; монологическая коммуникация

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\)4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
[Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Проблема, давшая толчок исследованию, о котором пойдет речь далее, состоит в отсутствии прямого открытого диалога власти и общества в современной России. Диалога, подразумевающего свободный обмен мнениями между общающимися сторонами, в том числе между властью и оппозиционно настроенным к ней сегментом общества. Наблюдения лингвистов за бытованием лексемы «диалог» в публичном российском дискурсе свидетельствуют об актуализации в наши дни в ее значении именно «политической» его составляющей, сводящейся к признанию «самой возможности и необходимости разговора власти с оппонентом, восприятия его в качестве достойного собеседника» (Иссерс, & Ганеева, 2013, с. 40). Однако реальность не такова. Налицо, констатирует М. Кронгауз, чрезвычайно интересная ситуация: имеет место насыщенная смыслами многосторонняя коммуникация, но при этом нет диалога (Кронгауз, 2015). А он нужен для выработки договоренностей по поводу базовых ценностей общественного развития, ключевых его целей и средств их достижения.

В сложившейся обстановке актуализируется проблематика исследования текущего языка власти, его отличительных характеристик, говорящих либо в пользу склонности власти к налаживанию диалога с оппозицией, либо, напротив, к дальнейшему продолжению отказа от него. Кроме того, актуальность анализа языка власти поддерживается тем неизбывным обстоятельством, что порождаемый этим языком дискурс, несомненно, обладает самой мощной силой воздействия на реципиентов ввиду его максимально широкой сферы распространения и всеохватности аудитории. Повсеместно и многократно воспроизводимые медиа публичные высказывания политической элиты – объект неизменного и пристального внимания к ним общества, что неизбежно налагает на политическую власть повышенную ответственность за пользование языком как универсальным средством социального взаимодействия. К анализу публичных высказываний современной российской политической элиты с целью определения их специфики, а следовательно, и специфики языка власти – инструмента порождения ее политического дискурса – и сводилась основная задача проведенного нами социолингвистического исследования, представленного ниже. Под языком власти в данном случае подразумевается язык ведущих политиков страны, являющийся важнейшей и неотъемлемой частью языка политики, т.е. той ветви общенационального языка, которая обслуживает политическую коммуникацию. Под последней, вслед за Е.И. Шейгал, мы понимаем «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» (Шейгал, 2004, с. 23).

Теоретический фундамент исследования

В теоретическом плане исследование разворачивалось в рамках социально-конструктивистского подхода (Бергер, & Лукман, 1995), согласно которому социально ориентированный дискурс трактуется не столько как средство языкового моделирования социальной реальности, сколько как ее фактический «конститутив» (Н. Филлипс, С. Харди). Исследование опиралось на ниже следующие концептуальные положения.

Действительность конструируется через вербальные структуры. Даже обычное, повседневное использование языка предполагает воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком. Тем более власть языка проявляется в социально ориентированном общении. Вызванный к жизни общественнозначимыми событиями, публичный дискурс несет в себе собственные версии происходящего и, воздействуя на адресаты, не столько отражает социальную реальность, сколько формирует ее для своей удаленной от реальных событий аудитории. Иными словами, язык служит подлинным инструментом социальной власти для различных групп коммуникаторов, участвующих в общественном диалоге (Блакар, 1987).

За языком и дискурсом коммуникатора стоит своя картина мира, отвечающая его интересам, которую он стремится инкорпорировать в сознание аудитории. Манипулируя словами, коллективные и индивидуальные агенты речи манипулируют структурой восприятия мира, природного и социального, и мировоззрениями, изменяя через это социальные практики (Бурдые, 1994).

Поле оперирования языком конкурентно по самой своей природе, в нем нет и не может быть равенства, поскольку зона, доступная для языкового воздействия, у различных агентов разная. Как следствие, и результаты использования ими языка принципиально разнятся (Блакар, 1987).

Политическая власть обладает несомненным символическим господством в сфере использования языка как орудия символического воздействия на социум. Неразрывно связанный с государством и распространяемый на всем подчиняющемся ему пространстве, официальный язык власти обслуживает интересы самой власти, которая его насаждает, и помогает ее укреплению (Бурдые, 2005).

Стремясь к монопольному владению языком, власть контролирует его применение, поддерживает социальное неравенство и воспроизводит себя посредством дискурса. (Ван Дейк, 2013).

На фоне господствующего языка власти в обществе функционирует множество социолектов. Наиболее очевидное их разделение обусловлено их отношением к власти. Сотрудничающие с нею энкратические социолекты развиваются и обретают свои характерные черты, вторя власти; оппонирующие ей акратические социолекты намеренно дистанцируются от власти (Барт, 1989).

Эмпирическая база исследования и методология ее формирования

В эмпирическом плане исследование базировалось на материалах ежегодно проводимого в России уже в течение 15 лет международного конкурса «Слово года», развернутого на платформе дискурса социальной сети «Фейсбук»¹. Впервые в нашей стране такой конкурс был проведен в 2007 году. Инициатор, организатор и куратор конкурса – известный философ, культуролог и филолог М.Н. Эпштейн. Цель конкурса – выявление в фейсбучном дискурсе тех уже утвердившихся в языке слов, выражений и фраз, а также возникших в контрольный период неологизмов, которые приобрели в текущем году общественное звучание, получили громкий общественный резонанс. Именно эти лексические единицы, с точки зрения организаторов конкурса, отражают подлинные умонастроения людей, служат показателями эмоционального и интеллектуального состояния общества (Эпштейн, 2013).

В конкурсе четыре номинации. Первые три – «Слово года», «Выражение года» и «Неологизма года» – аккумулируют высказывания пишущей в Фейсбуке публики; четвертая номинация «Антиязык» объединяет относящиеся к контрольному периоду высказывания представителей российской политической элиты, вызвавшие острую реакцию пользователей Фейсбука. В сборе первичных эмпирических данных задействовано свыше трех с половиной тысяч участников двух фейсбучных групп «Слово года» и «Неологизм года». Их усилиями формируется список слов-кандидатов, охватывающий примерно 300 лексических единиц, фиксирующих своеобразие и историческое значение текущего года, после чего составленный список передается в Экспертный совет. Эксперты в составе 17-18 специалистов социо-гуманитарного профиля тайным голосованием избирают победителей (призеров) конкурса по всем четырем номинациям.

Выбор победителей подчинен принятой Экспертным советом единой формализованной процедуре. Ими признаются те лексические единицы из списка кандидатов, которые актуализируются в фейсбучном дискурсе в связи с каким-либо значимым социально-политическим событием. Помимо названного экстралингвистического фактора призеры конкурса выделяются на основе собственно лингвистических их признаков. Важнейший из них – частотность лексической единицы, говорящая о ее популярности, а значит и популярности реалии, ею поименованной. Иные принимаемые во внимание признаки – грамматический потенциал слова (наличие у него дериватов); его синтагматика (формирование сочетаемостных «привычек» слова, устойчивых выражений с ним); его парадигматика («обрастание» слова синонимами и антонимами); его вовлеченность в языковую игру.

1 Социальная сеть, принадлежащая корпорации Meta, которая признана экстремистской на территории Российской Федерации

Перечисленные лингвистические показатели вторят критериям, предложенным Т.В. Шмелевой в разработанной ею концепции ключевых слов текущего момента для определения последних (Шмелева, 1993). Частотность привычного для аудитории слова, за которой стоит формирующее его семантику употребление в дискурсе в разных контекстобусловленных смыслах, наличие у слова дериватов, синонимов и антонимов, парадигматических и синтагматических связей – все это индикаторы укорененности данного слова в системе языка. Для недавно появившихся неологизмов их обрастание подобными приметам – знак возможного вхождения лексического нововведения в языковой узус. В обоих случаях указанные признаки придают лексической единице особый коммуникативный статус, помогающий вычленив из общей массы и ключевые слова текущего момента, и призеров конкурса «Слово года». Первые имеют непосредственную привязку к выбранному аналитиками заранее в качестве объекта исследования лексико-семантическому полю, например, полю «коронавирус» (Прокофьева, & Щеглова, 2020). Вторые обрисовывают вербальный портрет текущего года, запечатлевая для истории его памятные приметы.

Объектами нашего анализа стали прежде всего слова и выражения всех четырех номинаций, признанные призерами конкурса разных лет, т.е. занявшие три ведущих места в общем ранжированном списке его участников. Затем к анализу были привлечены так называемые лидеры конкурса – лексические единицы, которые участвовали в нем, победы не добились, но были близки к ней (позиции четыре–десять в упомянутом списке).

Метод и основная гипотеза исследования

Эмпирический материал подвергся семантическому анализу на основе предварительно составленного списка индикаторов речевой агрессии как той важнейшей характеристике дискурса, которая говорит о выборе коммуникатором конфликтного, а значит враждебного, а не кооперативного, характера речевого взаимодействия с потенциальными реципиентами. Понимая под термином «речевая агрессия», в его широкой трактовке, «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности» (Стилистический энциклопедический словарь, 2019, с. 340), мы, вслед за Е.Н. Басовской, опирались на более узкое его толкование, отождествляющее речевую агрессию с эксплицитно выраженной оппозиционностью коммуникатора по отношению к реципиенту или референту (Басовская, 2004, с. 257). В список индикаторов вошли те языковые показатели, которые имеют теоретическое обоснование и уже получили апробацию в ряде исследований проблематики речевой агрессии, а именно: военная лексика, резко негативные номинации, оппозиция МЫ / ОНИ (СВОИ / ЧУЖИЕ), оскорбления, угрозы, негативно окрашенная просторечная и жаргонная лексика, безапелляционные высказывания в модальности долженствования (Кронгауз, 2015; Озюменко, 2017; Стексова,

2013; Щербинина, 2008). Представленность названных индикаторов в высказываниях политической элиты, свидетельствующая о сквозящей в них речевой агрессии, позволяет аналитику говорить и о специфике самого языка власти в плане его агрессивности / неагрессивности, поскольку язык агента речи характеризуют все употребляемые им языковые средства.

Априори мы исходили из предположения, что резонансные и наиболее часто цитируемые в Фейсбуке высказывания представителей современной российской политической элиты – победители конкурсов «Слово года» – заражены агрессией. На проверку исходного предположения и была нацелена наша работа.

Результаты исследования

Проведенный анализ выявил следующие особенности эмпирического материала.

Высказывания политической власти несут в себе оппозицию Мы / Они, подразумевающую противостояние России Западу. Самым ярким примером, воплощающим указанную оппозицию сразу в двух ее вариантах – оценочном и смысловом – несомненно является фраза *мы попадем в рай, а они просто сдохнут*, затрагивающая тему российского сверхоружия и ядерной угрозы. Произнесенная президентом страны во время заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 18 октября 2018 года в ответе на вопрос о готовности России применить ядерное оружие, данная фраза возглавила список призеров конкурса 2018 г. в номинации «Антязык», далеко обойдя всех прочих претендентов на победу.

Политическая элита активно пользуется военной лексикой – приметой милитаризации сознания. Это и *враги православия* – выражение-призер 2013 г., и пресловутая «*пятая колонна*» – победитель 2014 г., актуализированная в так называемой Крымской речи президента, и активизированное властью в наши дни слово *провокация*, именующее сегодня любые шаги политических оппонентов и толкуемое в духе его основного общеязыкового значения как «агрессивные действия с целью вызвать военный конфликт» (Большой толковый словарь русского языка, 1998, с. 1002).

Изречения представителей политической власти отмечены речевой агрессией, которая очевидно наличествует в вызывающей резкое отторжение фразе-угрозе *можем повторить!*, занявшей призовое и лидирующее место в номинации Антязык в 2017 и 2018 гг. соответственно. Агрессия просматривается и в весьма мало похожем на шутку, особенно с позиции сопредельных с Россией стран, высказывании *граница России нигде не заканчивается*. Склонность политиков к ксенофобии, враждебному неприятию чужого прослеживается, в частности, в безапелляционном императиве депутата Госдумы Тамары Плетневой *мы не должны рожать от другой расы* и вторящем ему высказывании другого депутата *мы своих детей должны рожать*.

Я не националист, но тем не менее. Обратная сторона медали – неизбывный ура-патриотизм, сквозящий и в утверждении бывшего в то время (2018 г.) на посту министра культуры В. Мединского *у народа России имеется одна лишняя хромосома*, и в предложении премьер-министра Д. Медведева (2016 г.) название кофе «американо» заменить на «руссиано».

Высказывания политиков заряжены оппозицией СВОИ / ЧУЖИЕ, что свидетельствует о поиске внутренних «врагов» — тех, кто не поддерживает официальную политику, не разделяет официальные настроения, раскачивает, по мнению властей, лодку и «предает родину». Здесь абсолютное первенство, безусловно, принадлежит выражению *иностранный агент* и его краткой форме *иноагент*. Учрежденная Госдумой в 2012 г. в связи с юридической инициативой (принятием поправок к закону «О некоммерческих организациях»), номинация *иностранный агент* изначально обладала оценочной нейтральностью. Но за истекшие 10 лет она обрела отчетливые негативные коннотации и в разрабатываемый в наши дни интерактивный «Медиасловарь ключевых слов текущего момента» вошла уже как экспрессема с устойчивым негативным ореолом (Лебединская, Прокофьева, & Щеглова, 2021). В нашем конкурсе выражение *иностранный агент (иноагент)* побеждало неоднократно, став призером 2013, 2017, 2019, 2021 годов. Оно дважды включено в активно повторяемую недавно изобретенную неудобоваримую словесную формулу ДАННОЕ СООБЩЕНИЕ (МАТЕРИАЛ) СОЗДАНО И (ИЛИ) РАСПРОСТРАНЕНО ИНОСТРАННЫМ СРЕДСТВОМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА, И (ИЛИ) РОССИЙСКИМ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА), которая на сегодня закреплена уже законодательно. Сверх того, процитированный новый вербальный канон, равно как и отправное для него выражение *иностранный агент*, вышли победителями в проведенном ныне во второй раз командой «словогодников» дополнительном конкурсе «Слово десятилетия 2011-2021». Обозначению ЧУЖИХ служит и расхожее выражение *национал-предатели*, прозвучавшее одновременно с «пятой колонной» в обращенной к обеим палатам Федерального собрания Крымской речи президента.

Анализ эмпирического материала выявил и его пронизанность оппозицией МЫ/ОНИ, маркирующей базовое для политики противостояние власти и народа. Предельно четко оно манифестировано, например, в высказывании главы департамента молодежной политики Свердловской области Ольги Глацких *государство не просило вас рожать*, произнесенном во время Круглого стола по вопросу реализации молодежных проектов в Кировграде. Фраза высокопоставленного лица тут же вызвала мощный негативный общественный резонанс, который в конечном счете обеспечил ей призовое место в конкурсе «Слово года». Иной пример – совет депутата Свердловского Законодательного собрания Ильи Гаффнера россиянам применительно к кризису:

надо меньше питаться, который был тут же дополнен сетевой публикой фразой «Надо меньше лечиться».

В ходу у политической власти и оскорбительная лексика. *Лишние люди* – так высказался московский мэр о 15 миллионах россиян. В свою очередь депутат петербургского Заксобрания Елена Рахова назвала *недоблокадниками* тех доживших до наших дней престарелых жителей блокадного Ленинграда, кто пробыл в осажденном городе менее четырех месяцев. С помощью такого незамысловатого приема она объяснила, почему фракция «Единая Россия» не поддерживает предложение начислить означенной группе горожан к юбилейной дате денежную выплату в размере трех тысяч рублей. Не чужды ведущим политикам и откровенно бранные высказывания типа *мрази конченые* или *дебилы*, авторы которых общеизвестны. Лингвисты, анализирующие современный российский политический дискурс, уже отметили тенденцию снижения его стилистического регистра за счет употребления сленга, просторечных и жаргонных выражений типа *жевать сопли*, *замучаешься пыль глотать*, *мочить в сортире*, *кошмарить бизнес* (Кронгауз, 2015; Левонтина, 2018). Они произносятся на фоне абсолютно грамотной, правильной речи, а взаимодействие фона и сниженных ее фрагментов порождает сильный стилистический эффект, который привлекает внимание аудитории, способствуя лучшему запоминанию сказанного (Кронгауз, 2015). Однако приведенные нами примеры совсем иного рода: они оскорбляют и унижают человеческое достоинство, являют собой откровенную грубость, выходящую за рамки допустимого в публичной коммуникации.

Сегодня наблюдаются случаи рассмотрения подобных высказываний в контексте складывающейся к началу XXI века новой коммуникативной практики, получившей название «новой искренности». Эта практика нашла свое воплощение прежде всего в художественном творчестве (литературе, кинематографе, массмедиа) Запада, а затем и России и сопряжена с отходом от всепоглощающей иронии, признанной характерной чертой ушедшего столетия. Ирония как действенный механизм сопротивления сверхчеловеческому напряжению и страхам, вызванным ужасами прошлого века, в наши дни уступает место откровенной исповедальности. Искусство обращения преимущественно к традиционно сложившемуся лирико-исповедальному дискурсу с его апелляцией к проверенным временем общечеловеческим ценностям, таким как сострадание, милосердие, верность, дружба, и составляет сущность «новой искренности», проникшей в кинематограф, театральное искусство, литературу наших дней (Десятерик, 2005). Вместе с тем в среде дискурс-аналитиков существует мнение, что «современная медиасреда располагает к проявлениям «новой искренности» и создает условия для проникновения данного тренда в сферу политической коммуникации» (Иссерс, 2020). Его реализация усматривается, в частности, в предвыборной листовке Максима Каца, шедшего в 2012 г. на муниципальные выборы в Северо-

Западном округе Москвы (2020, сс. 222-223). В тексте политика ярко представлено авторское начало, выраженное эксплицитным исповедальным обозначением собственной идентичности. Другой признаваемый пример «новой искренности» – выступление советника председателя партии «За правду» Ивана Охлобыстина на учредительном съезде партии, прошедшем в феврале 2020 г. Откровенно импровизационная речь известного актера и кинорежиссера намеренно выходила за устоявшиеся рамки жанрового канона (Каминская, 2020, с. 15-16).

Однако политическая коммуникация нашего времени знает и другие примеры. Они являют собой те вызвавшие острую критическую реакцию общества оскорбительные выражения политиков, депутатов, чиновников, о которых говорилось выше и которые систематически попадают в число призеров и лидеров конкурса «Слово года». Сегодня лингвисты их именуют триггерными высказываниями (Руженцева, Кошкарова, & Чудинов, 2020) и иногда воспринимают как негативный эффект «новой искренности». Их круг довольно широк. К уже процитированной фразе *государство не просило вас рожать*, номинации *недоблокадники*, совету *меньше питаться* можно многое добавить. Так, министр труда Саратовской области Наталья Соколова произнесла фразу *макарошки везде стоят одинаково* в поддержку своего заявления о достаточности трех с половиной тысяч рублей в месяц (стоимости региональной продуктовой корзины) для выживания. Ее высказывание обернулось главным скандалом 2018 г. и, естественно, попало в лидеры конкурса. Другим его лидером стала реплика кемеровского вице-губернатора (ставшего позже губернатором) Сергея Цивилева *хотите попиариться на горе?*, обращенная к жителю города Игорю Вострикову, потерявшему при пожаре в ТРЦ «Зимняя вишня» жену, сестру и троих детей. Аналогичных примеров предостаточно. Нам думается, что все они не имеют к «новой искренности» никакого отношения. Подобные высказывания политиков отчуждены от общечеловеческих, гуманистических ценностей, апелляция к которым предусматривается концепцией «новой искренности». Нет в них ни исповедальности, ни переживаний травмирующего опыта, а прослеживается лишь объективация говорящими собственных позиций и взглядов, крайне далеких от принятых в цивилизованном обществе с его моральным императивом «от природной целесообразности к человеческому милосердию». Не случайно термин «новая политическая искренность» в российском варианте быстро обрел негативную коннотацию, которую придали ему острокритические, полные иронии, а порой и разоблачительные комментарии со стороны журналистского сообщества и пользователей социальных сетей (Руженцева, Кошкарова, & Чудинов, 2020). Таков ответ СМИ на триггерные высказывания власти.

Выводы

Выявленные в исследовании на материале конкурса «Слово года» особенности высказываний современной российской политической элиты говорят о том, что на сегодня язык ведущих политиков далек от языка прямого открытого диалога с обществом, всеми его сегментами, направленного на выработку договоренностей относительно ценностных оснований общественного бытия и достижение социального консенсуса по поводу базовых целей развития страны и путей их реализации. В наши дни язык власти агрессивен и скорее ориентирован на маркировку политически и идеологически чуждых власти ЧУЖИХ, с которыми он ведет борьбу всевозможными лингвистическими средствами. Отделяя чужих от своих, власть акцентирует социальное различие первых и вторых. Подобная языковая сегрегация проводит демаркационную линию, разъединяющую людей, живущих в одной стране, имеющих общую территорию, общее историческое прошлое, общую культуру.

К сожалению, базовая глубинная оппозиция СВОИ / ЧУЖИЕ (интерпретируемая К. Шмиттом как друг / враг) (Шмитт, 1992) в языке политической элиты в настоящее время охотно принимает вид не только содержательного противопоставления ВЛАСТЬ / НАРОД. Дискурсообразующие для политической коммуникации, концепты «народ» и «власть» ныне наделяются в дискурсе политических лидеров и оценочной асимметрией, абсолютно недопустимой этически (Невинская, 2006). Таким образом, самый внушительный российский коммуникатор, обладающий самым высоким потенциалом символической власти – политическая элита – использует ее не для единения, а для разобщения. Разобщения с внешним миром, с несогласным с решениями и действиями властей сегментом общества и, порою, с подвластным ей народом в целом. Язык – важнейшая часть культуры, универсальное средство социальной коммуникации – усилиями власти превращен в особую зону культурного отчуждения.

Следует иметь в виду, что сила воздействия высказываний политической элиты страны на аудиторию не обязательно прямо пропорциональна частоте их повторения. Известно немало случаев, когда сильный воздействующий эффект на общество оказывали единожды сказанные ведущими политиками слова. Незабываема знаменитая *перестройка* – слово, прозвучавшее из уст М.С. Горбачева 8 апреля 1986 года в городе Тольятти на встрече с трудящимися Волжского автозавода. Так образно партийный лидер обозначил в тот день вводимые новые подходы в управлении государством и экономикой. Мгновенно подхваченная СМИ и повсеместно растиражированная, эта строительная метафора быстро обрела статус официального наименования новой политики, а затем и новой эпохи, общепринятого не только внутри страны, но и за ее пределами. В наши дни в активном ходу произнесенные когда-то по случаю В.С. Черномырдиным речевые обороты, вскоре ставшие популярными афоризмами, вроде *никогда такого не было, и вот опять!* или *хотели*

как лучше, а получилось как всегда. Чуть позже последняя фраза распространилась в соцсетях в еще одной, игровой, версии, более пессимистичной: *хотели как лучше, а получилось навсегда*. Процитированные «черномырдинки», закрепившись в памяти людей, сегодня вызывают скорее улыбку и воспринимаются в юмористическом ключе (Руженцева, Кошкарова, & Чудинов, 2020). Совсем иное дело триггерные высказывания власти, порождающие острую и болезненную негативную реакцию по отношению как к автору слов, так и к конструируемой им реальности. Известны примеры, когда такие высказывания даже ломали карьеру политика, как это произошло с Павлом Астаховым. Его реплика *как поплавали?*, обращенная при посещении московской детской больницы к детям, выжившим после трагедии на Сямозере, привела уполномоченного по правам ребенка к потере занимаемой им должности. Утратой своего поста обернулась и для Натальи Соколовой ее фраза *макарошки везде стоят одинаково*, упомянутая выше.

Введенные в недавнем прошлом ведущими политиками в оборот, однажды произнесенные слова и выражения *нежелательная организация, недружественные страны, пятая колонна, предатели, иноагент* (в негативном ключе) ныне стали печальной приметой нашего времени, получив массовое распространение. Пропитанные негативизмом и речевой агрессией, они подталкивают аудиторию к агрессивному подходу к реальности и, в конечном счете, формируют агрессивную социальную среду (Озюменко, 2017).

Упорно насаждаемый, язык власти, естественно, перенимается значительной частью населения, что только повышает уровень агрессивности языка политики в целом и усиливает социальную напряженность в обществе, разделенном властью на своих и чужих, поляризованных оценочно. Главными социальными агентами, воспроизводящими эту агрессивность, становятся СМИ, тиражирующие и повсеместно распространяющие все значимые высказывания политической элиты страны. Лингвисты удостоверяют, что и собственный язык СМИ в наши дни сильно меняется (Левонтина, 2018; Озюменко, 2017; Карасик, 2015; Щербинина, 2013; Гусейнов, 2008). Он все активнее используется для выражения медийной агрессии – открытой неприязни и враждебности к референту и целенаправленного воздействия на сознание адресата с целью его идеологического подчинения (Озюменко, 2017). На федеральных каналах ТВ уже давно используется лексика войны: *каратели, захватчики, беженцы, предатели* (Левонтина, 2018, с. 215), а речи известных тележурналистов всеми силами увеличивают пропасть между своими и чужими, являя собой образчики максимальной риторической резкости вплоть до полной «отвязанности» (Гусейнов, 2008). Характеризуя в общем плане язык СМИ, лингвисты заявляют, что он приучает пользователей видеть мир черно-белым, поделенным на своих и чужих.

«Современная российская журналистика, – констатирует Е.Н. Басовская, – в большинстве случаев провозглашает демократические принципы и отстаи-

вает высоконравственные позиции. Но декларации легко сводятся на нет самим языком газетно-журнальных публикаций, проникнутым духом раздражения и конфронтации» (Басовская, 2004, с. 263).

Одновременно специалисты отмечают и агрессивность языка социальных сетей, порой именуя его языком ненависти и вражды (Скоркин, 2014). Так резко выраженная речевая агрессия характеризует интернет-комментарии пользователей соцсетей к новостным материалам. Дискурс-анализ подобных комментариев обнаружил их отягощенность оценочной оппозицией СВОЙ / ЧУЖОЙ. При этом чужими признаются те, чье мнение отлично от мнения самого комментатора; они-то и вызывают его неприятие и неприкрыто агрессивную речевую реакцию (Стексова, 2013, с. 78). Введенная Экспертным советом с 2016 года в конкурс «Слово года» дополнительная категория «Лейтмотивы», объединившая в себе призеров из всех четырех названных выше номинаций конкурса, связанных общим смыслом и общей темой, подтвердила укорененность в фейсбучном дискурсе исходящих от власти установок. К примеру, тема противостояния с Западом, звучащая в словах и выражениях ЧВК Вагнер, *гибридная война, можем повторить*, была признана лейтмотивом 2018 г., а тема войны, манифестируемая лексическими единицами *гибридная война, информационная война, кибервойна*, определила лейтмотив-2016.

Примечательно, что в отношении неологизмов, возникших как вербальная реакция на текущие общественно-политические события, в среде специалистов сложилось убеждение, что в российских условиях повышенной социальной напряженности чем агрессивнее новое слово, чем больше оно наполнено отрицательной энергией, тем больше у него шансов на распространение в публичном дискурсе (Эпштейн, 2013). Таковы огорчительные плоды давления языка власти наших дней на вторящий ему язык специализированной (профессионально журналистской) и неспециализированной (массовой) публичной коммуникации.

Однако при всех отмеченных негативных явлениях, сопряженных с деятельностью социальных сетей, их существование полезно. Ибо почти любая власть пытается монополизировать язык, подчинить его своим интересам и целям. Когда ей это всецело удается, монопольное владение языком оборачивается тотальным контролем над его использованием. Как следствие, складывается ситуация, проанализированная В. Клемперером в его бессмертной книге, где он подробно описывает язык ЛГП, при господстве которого нацистам удавалось 12 лет держать немецкий народ в духовном рабстве (Клемперер, 1998). Любая власть, как писал П. Бурдье, борется за язык и стремится утвердить свой дискурс и политический словарь со своими терминами и понятиями, адресатами и ориентирами, со своими метафорами и эффемизмами — дискурс и словарь, за которыми стоит своя картина социального мира, отвечающая интересам власти (Бурдье, 2005). Ее дискурс внушает гражданам представления о политически правильных оценках и действиях.

Но в символическом поле оперирования языком необходима конкуренция, а единообразие его использования должно быть вытеснено многообразием. Политический дискурс власти не должен, тотально господствуя, заглушать всех прочих коммуникантов. Функционирование же социальных сетей с их встроенными в язык политики акратическими социолектами, оппонирующими власти, порождает конкурирующий с официозом дискурс, по-иному описывающий и оценивающий социальную реальность и вырабатывающий у граждан многомерный взгляд на нее. Тем самым отчасти выравнивается изначальная асимметрия в позиционировании разных коммуникантов в сфере социальной коммуникации. И это, без сомнения, позитивный момент. Поскольку многоголосие дискурсов – непреложное условие для налаживания полноценного диалога власти и общества по жизненно важным вопросам.

Заключение

Открытый обмен мнениями, возможность свободно озвучивать свои позиции, принципиальная полемичность социального общения, лишенная агрессии и враждебности, а также деления на своих и чужих, развернутое обсуждение важнейших для движения вперед вопросов, учет мнения меньшинства – таков на сегодня запрос российского гражданского общества, остающийся безответным. Привыкшая за долгий советский период к чисто ритуальной коммуникации со своими гражданами, власть продолжает отстаивать монологический характер общения с народом, при котором ее дискурс – предписания, не требующие глубоких рациональных обоснований, а требующие неукоснительного исполнения. Социальные роли коммуникантов жестко определены: власть – коммуникатор с неотъемлемым и преимущественным правом вербально конструировать для аудитории реальность, в которой противопоставлены мы и они, свои и чужие. Общество – реципиент, наделенный правом лишь одобрять и поддерживать все управленческие решения власти. Выстраивание двустороннего диалога с его неотчуждаемым многоголосием в очередной раз откладывается.

Список литературы

- Барт, Р. (1989). Разделение языков. В *Избранные работы: Семиотика: Поэтика* (с. 519–539). Прогресс.
- Басовская, Е. Н. (2004). Творцы черно-белой реальности: О вербальной агрессии в средствах массовой информации. *Критика и семиотика*, 7, 257–263.
- Бергер, П., & Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. «Медиум».
- Блакар, Р. М. (1987). Язык как инструмент социальной власти (Теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте). В В. В. Петров (Ред.), *Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы* (с. 88–120). Прогресс.

- Бурдые, П. (1994). *Разложение религиозного. –Начала. Сборник текстов.* Socio-Logos. <https://gtmarket.ru/library/articles/2611>
- Бурдые, П. (2005). О производстве и воспроизводстве легитимного языка. *Отечественные записки*, 2. <https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-voisproizvodstve-legitimnogo-yazyka>
- Гусейнов, Г. Ч. (2008). Язык и травма освобождения. *Новое литературное обозрение*, 6, 130–147.
- Дейк, Т. А. ван. (2013). *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации.* Либроком.
- Десятерик, Д. (2005). Новая искренность. В *Альтернативная культура: Энциклопедия.* Ультра. Культура. <https://info.wikireading.ru/104422>
- Иссерс, О. С. (2020). Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 19(6), 216–227. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227>
- Иссерс, О. С., & Ганеева, Д. А. (2013). «Новое русское слово» в контексте политического дискурса: *Диалог, оппозиция, креативный класс.* *Политическая лингвистика*, 3, 37–47.
- Каминская, Т. Л. (2020). Новые тренды в российской политической коммуникации. *Политическая лингвистика*, 6, 12–18. <https://doi.org/10.26170/pl20-06-01>
- Карасик, В. И. (2015). *Языковое проявление личности.* Гнозис.
- Клемперер, В. (1998). *ЛТИ. Язык третьего рейха: Записная книжка филолога.* Прогресс-Традиция.
- Кожина, М. Н. (Ред.). (2019). *Стилистический энциклопедический словарь русского языка.* ФЛИНТА.
- Кронгауз, М. А. (2015). Краткий курс новояза. *Вопросы литературы*, 1, 7–20.
- Кузнецов, С. А. (Ред.). (1998). *Большой толковый словарь русского языка.* «Норинт».
- Лебединская, Е. Ю., Прокофьева, Н. А., & Щеглова, Е. А. (2021). Иноагент. *DataSlov.* <https://dataslov.ru/word/inoagent/>
- Левонтина, И. Б. (2018). Почему не стоит волноваться о судьбе русской речи. В М. Вишневецкая (Ред.), *Словарь перемен 2015–2016* (с. 214–222). Три квадрата.
- Невинская, М. Д. (2006). *Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе* [Автореферат кандидатской диссертации]. ВГПУ.
- Озюменко, В. И. (2017). Медийный дискурс в ситуации информационной войны: От манипуляции – к агрессии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, 21(1), 203–220. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220>
- Прокофьева, Н. А., & Щеглова, Е. А. (2020). Медиасловарь ключевых слов текущего момента: Лексико-семантическое поле «коронавирус». В Н. В. Козловская (Ред.), *Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей* (с. 191–202). Институт лингвистических исследований.
- Руженцева, Н. Б., Кошкарова, Н. Н., & Чудинов, А. П. (2020). Триггеры в дискурсе власти и их отражение в СМИ. *Язык и культура*, 50, 99–114. <https://doi.org/10.17223/19996195/50/8>
- Скоркин, К. (2014). Общий язык ненависти. *Отечественные записки*, 6. <http://www.strana-oz.ru/2014/6/obshchiy-yazyk-nenavisti>

- Стеклова, Т. И. (2013). Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности. *Политическая лингвистика*, 3, 77–81.
- Шейгал, Е. И. (2004). *Семиотика политического дискурса*. Гнозис.
- Шмелева, Т. В. (1993). Ключевые слова текущего момента. *Collegium*, 1, 33–41.
- Шмитт, К. (2011). Понятие политического. *Социология Власти*, 8, 173–190.
- Щербинина, Ю. В. (2008). *Вербальная агрессия*. ЛКИ.
- Щербинина, Ю. В. (2013). *Речевая агрессия: Территория вражды*. Форум.
- Эпштейн, М. (2013). Слова как символы эпохи. Беседа с журналисткой Ксенией Лариной. Сноб. http://www.snob.ru/profile/27356/blog/70248#comment_683001

References

- Barthes, R. (1989). Separation of Languages. In *Selected Works: Semiotics: Poetics* (pp. 519–539). Progress. (In Russian).
- Basovskaya, E. N. (2004). Creators of Black and White Reality: On Verbal Aggression in the Mass Media. *Kritika i Semiotika*, 7, 257–263. (In Russian).
- Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Medium. (In Russian).
- Blakar, R. M. (1987). Language as an Instrument of Social Power (Theoretical and Empirical Studies of Language and its Use in Social Context). In V. V. Petrov (Ed.), *Language and the Modeling of Social Interaction: Translations* (pp. 88–120). Progress. (In Russian).
- Bourdieu, P. (1994). *Decomposition of the Religious – Beginning*. A collection of texts. Socio-Logos. <https://gtmarket.ru/library/articles/2611> (In Russian).
- Bourdieu, P. (2005). On the Production and Reproduction of Legitimate Language. *Otechestvennye zapiski*, 2. <https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-voisproizvodstve-legitimnogo-yazyka> (In Russian).
- Decaterik, D. (2005). The New Sincerity. In *Alternative Culture: Encyclopedia*. Ultra. Kultura. <https://info.wikireading.ru/104422> (In Russian).
- Dijk, T. A. van. (2013). *Discourse and Power: Representations of Dominance in Language and Communication*. Librokom. (In Russian).
- Epstein, M. (2013). Words as symbols of an era. A conversation with journalist Ksenia Larina. Snob. http://www.snob.ru/profile/27356/blog/70248#comment_683001 (In Russian).
- Guseinov, G. C. (2008). Language and the Trauma of Liberation. *New Literary Review*, 6, 130–147. (In Russian).
- Issers, O. S. (2020). Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 19(6), 216–227. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227> (In Russian).
- Issers, O. S., & Ganeeva, D. A. (2013). “New Russian Word” in the Context of Political Discourse: *Dialogue, Opposition, Creative Class*. *Political Linguistics*, 3, 37–47. (In Russian).
- Kaminskaya, T. L. (2020). New Trends in Russian Political Communication. *Political Linguistics*, 6, 12–18. <https://doi.org/10.26170/pl20-06-01> (In Russian).

- Karasik, V. I. (2015). *The linguistic manifestation of personality*. Gnoziz. (In Russian).
- Klemperer, V. (1998). *LTI. The Language of the Third Reich: A Philologist's Notebook*. Progress-Traditsija. (In Russian).
- Kozhina, M. N. (Ed.). (2019). *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language*. FLINTA. (In Russian).
- Krongauz, M. A. (2015). A short course of novoyaz. *Literature questions*, 1, 7–20. (In Russian).
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Norint. (In Russian).
- Lebedinskaya, E. Yu., Prokofyeva, N. A., & Sheglova, E. A. (2021). Inoagent. *DataSlov*. <https://dataslov.ru/word/inoagent/> (In Russian).
- Levontina, I. B. (2018). Why we should not worry about the fate of Russian speech. In M. Vishnevetskaya (Ed.), *Dictionary of Change 2015–2016* (pp. 214–222). Tri kvadrata. (In Russian).
- Nevinskaya, M. D. (2006). *Conceptual opposition “people – power” in political discourse* [PhD thesis]. VSPU. (In Russian).
- Ozyumenko, V. I. (2017). Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression. *Russian Journal of Linguistics*, 21(1), 203–220. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220> (In Russian).
- Prokofieva, N. A., & Shcheglova, E. A. (2020). Media dictionary of keywords of the moment: Lexical-semantic field “coronavirus”. In N. V. Kozlovskaya (Ed.), *New Words and Dictionaries of New Words. 2020: Collection of Research Articles* (pp. 191–202). Institute of Linguistic Studies. (In Russian).
- Ruzhentseva, N. B., Koshkarova, N. N., & Chudinov, A. P. (2020). Triggers in the Power Discourse and their Reflection in the Mass-media. *Yazyk i kul'tura*, 50, 99–114. <https://doi.org/10.17223/19996195/50/8> (In Russian).
- Schmitt, K. (2011). The concept of political. *Sociology of Power*, 8, 173–190. (In Russian).
- Shcherbinina, Yu. V. (2008). *Verbal aggression*. LKI. (In Russian).
- Shcherbinina, Yu. V. (2013). *Speech Aggression: The Territory of Enmity*. Forum. (In Russian).
- Sheigal, E. I. (2004). *Semiotics of Political Discourse*. Gnoziz. (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (1993). Key words of the present moment. *Collegium*, 1, 33–41. (In Russian).
- Skorkin, K. (2014). The Common Language of Hate. *Otechestvennye zapiski*, 6. <http://www.strana-oz.ru/2014/6/obshchiy-yazyk-nenavisti> (In Russian).
- Steksova, T. I. (2013). Speech aggression in Internet comments as a manifestation of social tension. *Political Linguistics*, 3, 77–81. (In Russian).